

Гуманитарная интервенция – инструмент неолиберализма и глобализма

Иван Дзуриндин

В продолжающейся “холодной” войне транснационального капитала за мировое господство по-прежнему актуальной остается горячая, хотя и весьма спорная тема так называемой “гуманитарной интервенции” в мировом праве.

Затронутые темы в кругах политологов и специалистов по международному праву вызывают различные, часто противоречивые оценки. На сегодня не существует признаваемых всеми оценок, несмотря на растущее множество действующих международных деклараций и соглашений. В предлагаемом материале я представляю лишь собственную точку зрения на данную проблематику.

Для начала нужно уточнить, что под понятием “либеральная демократия” мы понимаем ранний прогрессивный процесс развития и формирования национальных капиталистических систем, в которых власть принадлежит буржуазии со всеми присущими ей ценностями, но также и противоречиями, и отрицательными сторонами.

Эта система характеризуется, прежде всего, свободой эксплуатации и связанным с ней “законным” экономическим насилием, а также относительным балансом основных прав и свобод человека (впрочем, соблюдаемых только на бумаге) с установленным объемом общественных правовых и социальных обязанностей, уважением к основополагающему принципу применимости права, равенством всех перед законом и судом, признанием легитимности всех форм собственности и прочими возможностями для развития “свободного гражданина”.

Однако по поводу этой – в свое время весьма прогрессивной – философии функционирования организованного общества премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль в свое время сказал, что она “является наихудшей”, но тут же добавил, что “к сожалению, до настоящего времени лучше никто ничего не придумал”.

“Неолиберальной демократией” мы называем высший (но не в отношении качества) эволюционный уровень этой либеральной демократии в условиях импери-

ДЗУРИНДИН Иван – журналист-международник (Братислава, Словакия).

Ключевые слова: гуманитарная интервенция, “холодная” война, неолиберализм, глобализм, либеральная демократия, насилие, олигархия.

ализма и глобализации, когда речь идет о поглощении государства транснациональным капиталом, когда личные права и свободы человека формально возводятся в абсолюты, но не уравновешиваются соответствующими обязанностями, когда ширится пропасть между гигантским богатством олигархии и глубокой бедностью простых людей, чем в значительной мере ограничивается принцип применимости права для социально менее защищенных категорий граждан, и когда в материальном праве частная собственность ставится выше государственных или общественных интересов.

Транснациональный капитал полностью уничтожает государственную собственность под тем предлогом, что только свободный рынок может являться качественным регулятором развития экономики, и стремится насадить во всех прочих человеческих сообществах свою модель неолиберального духовного и экономического устройства. Поклонение деньгам достигает таких размеров, что не остается никакой области государственной или общественной жизни, где бы применялись более высокие принципы закона, правопорядка, морали, личной или профессиональной чести и основательности.

Неолиберальная демократия внутри общества часто позволяет морально неустойчивым людям, да и откровенным мафиози посредством давления на избирателей проникнуть в госаппарат, получить высокие полномочия, войти в высшие политические круги, включая парламент, полицию, судопроизводство, где они своей деструктивной активностью парализуют законную деятельность государства, стремясь свести ее до уровня “охранника интересов крупного (в основном заграничного) капитала”. Носители неолиберальной морали вносят в общественные и социальные отношения новые чувства неуверенности и отчаяния, из-за чего углубляются социальные споры, повышается агрессивность асоциальных типов, богатые становятся более надменными, а неолиберальные СМИ окатывают презрением всех, кто сопротивляется волнам бульварной и асоциальной культуры и морали, хлещущим из-за рубежа.

Если говорить коротко, то **неолиберализм – это идеология реакционной олигархии с весьма противоречивыми принципами и стремлением к тотальному отрицанию всего, что стоит у нее на пути к всемирному господству.**

В то же время эта идеология уже сейчас несет в себе ясные зачатки протеста и самоотрицания.

“Если уж не крупные войны, то хотя бы маленькие экспедиции мы должны вести в форме гуманитарной интервенции с целью защиты демократии и прав человека в других государствах”¹, – так звучит сегодня в закулисе правящего транснационального капитала пропаганда использования насилия в других суверенных государствах.

Аналогичные походы организовывали в Средние века монархи или высочайший клир, когда с помощью насилия они стремились расширить свое влияние на чужой территории. Но сегодня, в эпоху империалистической глобализации это насилие, упакованное в “гуманитарную обертку” принимает невиданный размах. В глубине противоречивой “идеологии интервенции” со стороны неолиберальной демократии заложено, прежде всего, собственное понятие исторической категории “прав и свобод человека” как органической составляющей насаждаемой философии, определяемой как новый фундамент завоеванного мира. Однако в международной правовой дискуссии

официально все еще преобладает характеристика “гуманитарной интервенции” как “военного вмешательства государства или международного сообщества в целях защиты прав индивида от их собственного государства без согласия последнего”².

“Неолиберальная демократия” является философией общественной организации эпохи империализма и развитой глобализации, когда не только писанные законы и правила, но и нормы морали и нравственности приспосабливаются к финансово-экономическим интересам правящего транснационального капитала. И если теперь мы говорим о конкретных жертвах “гуманитарного насилия” со стороны других государств и организаций, то для правильного понимания этого предмета необходимо, прежде всего, объективно проанализировать конкретные условия организации общественной жизни затронутых сообществ. А эти конкретные условия весьма отличаются от навязываемых норм морали, права, законов и всей жизненной философии развитых капиталистических государств.

Некритический перенос “демократических” образцов западной неолиберальной демократии в совершенно иную общественную среду является безответственным политическим авантюризмом. А то и просто преступлением, если для достижения этих целей используется насилие, угрозы в форме ограничений передвижения, отказа в экономическом сотрудничестве, санкций на международном уровне. Невозможно поверить, как легко дали себя втянуть в эти игры некоторые известные международные организации, а также некоторые их лидеры.

Если в международно-правовой дискуссии “гуманитарная интервенция” все еще понимается как вооружен-

ное нападение на некоторую страну в целях “защиты прав человека и воцарения демократии” или оказания помощи одной из конфликтующих сторон, в нашей статье мы понимаем под “гуманитарной интервенцией” акт применения насилия со стороны преследуемого собственные интересы империалистического капитала. С этой точки зрения мы воспринимаем и различные международные резолюции или высказывания известных авторов на данную тему.

Запрет на использование силовых средств в международных отношениях за исключением случаев, одобренных ООН, был многократно подтвержден самой ООН, например, Резолюцией генеральной Ассамблеи 2001 г. № 56/148 под названием “*Права человека и одностороннее принуждение*”.

Эта резолюция жестко отрицает любое одностороннее использование насилия в международных отношениях вне существующего международного права и прямо называет его “препятствием для реализации прав человека”. И нынешнее международное право официально не допускает применения “гуманитарной интервенции”, несмотря на упор на защите прав человека. “Гуманитарная интервенция – как право одних государств вмешаться самим или в коалиции в дела на территории другого государства с целью защиты основных прав человека тамошних обитателей от их собственного правительства – является весьма противоречивым объектом”².

Приверженцы неолиберализма поддерживают одностороннее применение насилия как бы из “моральных побуждений” с целью утверждения единой власти крупного капитала.

Здесь имеется противоречие и с формальной стороны, ведь, с одной стороны, главной ценностью междуна-

родного права признается нерушимость государственного суверенитета, а с другой – возводятся в абсолют индивидуальные права и свободы человека (в чужих государствах), ради которых допустимо использовать насилие или даже открытую войну.

Подобное насилие, ограничения, медийный террор, блокада, дискриминация и дипломатические операции мы понимаем как грубое нарушение прав большинства граждан атакуемой страны, к тому же в большинстве своем эти меры являются и контрпродуктивными, потому что мало кто может воспринять насильно навязанные ему “благоденствия”. Очевидно при этом, что в подобных случаях речь идет лишь о собственных интересах инициатора интервенции.

“Декларация принципов международного права запрещает государствам вмешиваться во внутренние конфликты иных государств”³, но неолиберальная демократия через разветвленную сеть своих агентов пренебрегает этикой действующего международного права и часто очень активно вмешивается во внутренние конфликты на стороне родственных ей сил.

Так что “гуманитарная интервенция”, хотя официальные правовые документы и интерпретируют ее, главным образом, как возможную официальную кровавую войну “во имя гуманизма, демократии и прав человека” против “преступных режимов”, в представлении большинства международных демократических правоведов всегда остается “обычной агрессией” со всеми присущими ей характеристиками. Если “гуманитарная интервенция” проводится не в форме кровавого насилия, а в рамках “холодной” войны без прямого использования армий и вооружений на чужой территории, она все равно остается частью открытой войны в форме жестокого и неправо-

тельного нарушения суверенитета и прав прочих государств.

В международно-правовой среде, включая официальные документы, явно преобладают противники любой “гуманитарной интервенции”. Заметим, что нам неизвестно, чтобы кто-нибудь официально потребовал, чтобы аналогичные “интервенции” осуществлялись и против крупных государств, например, США или их верных союзников, или против иных ядерных держав, где постоянно разыгрываются человеческие драмы, вызванные нарушением основных прав или свобод простых граждан.

Почти все сторонники гуманитарной интервенции на практике представляют себе, что именно США и прочие западные державы призваны “навести порядок в малых развивающихся и постсоциалистических странах”.

На протяжении последних 50 лет неолибералы организовали целый ряд таких “гуманитарных интервенций”, как это было во Вьетнаме или на Кубе, в Ираке, в Венесуэле или в Белоруссии, и они продолжают оставаться яркими приверженцами “войны” против неугодных режимов под лозунгами “спасения демократии, прав и свобод человека”.

Эта насмешка над самой сущностью этих понятий.

Современная ситуация с правами человека выдается за действия западного империализма с абсолютным почитанием “прав и свобод” индивидов в ущерб общественным интересам. С этой точки зрения интерпретации неолибералов и социал-демократов принципиально различаются.

Таким образом, совершенно очевидно, что “гуманитарная интервенция” является одной из форм “холодной” войны, частью процесса глобали-

зации и замаскированным стремлением к расширению собственного влияния на заданной территории.

Она содержит в себе все ее компоненты:

- насилие;
- угрозы;
- дискриминационные кампании,
- вмешательство во внутренние дела другого государства;
- создание и поддержку оппозиционных групп и движений для смены критикуемого режима;
- устранение законного правительства или его членов, а в случае успешного низложения “режима зла” установление собственной модели демократии и рыночной экономики.

Так, борьба за “права человека”, превращенная в инструмент внешней политики одной страны, ставит под угрозу безопасность менее крупных суверенных государств!

Между тем, внешний суверенитет каждого государства, согласно действующему определению международного права, означает, что никакое другое государство не имеет право вмешиваться в его внутренние дела, что оно является равноправным субъектом в отношениях с другими государствами без учета их размера и влияния. Свобода его действий во внешней политике ограничена лишь суверенитетом прочих государств и добровольно принятыми обязательствами в рамках международных соглашений.

Нужно, однако, отметить, что неолибералы воспринимают “гуманитарную интервенцию” как “ненасильственное и невооруженное воздействие на другое государство в целях защиты прав его граждан со стороны другого государства или международного сообщества, например, с помощью дипломатических актов, экономических санкций и т.п.”. Таким образом будто бы

исключается наиболее противоречивый элемент – прямое нарушение суверенитета государства!

Однако сюда включаются многие недопустимые средства воздействия на другое суверенное государство. Если дипломатическое миротворческое или судебное давление на легитимные правительства, на ответственных лиц иного государства в случае явного нарушения ими прав человека являются допустимыми или, по крайней мере, законными с точки зрения международного права, то любые широкомасштабные санкции, угрозы, дискриминация в экономических, социальных и гуманитарных сферах, сопровождаемые часто международным медийным террором против целого государства и его граждан, недопустимы и должны быть однозначно определены в международном праве как открытая “холодная агрессия”.

В связи с этим с сожалением стоит отметить, что методом психологического насилия против некоторых государств из-за их сомнительных режимов оказались не чужды и известные международные организации, включая ОБСЕ, Совет Европы, да и саму ООН, структуры которых также оказались под влиянием неолиберальной идеологии, не говоря уже о международных неправительственных организациях и их национальных отделениях в постсоциалистических государствах, щедро финансируемых тем самым транснациональным капиталом. Лишь малая часть деятелей этих упомянутых организаций искренне мыслит и честно защищает права человека, не взирая на границы государств и истинный характер существующих режимов.

Гуманитарное насилие против Кубы, которое десятилетиями длится при поддержке американского транснационального капитала, с которым сегодня связаны уже и неолибералы европейских государств и

многие правые политики постсоциалистических стран, является типичным примером нарушения основных прав и свобод целых народов и государств, а не только отдельных граждан, которые всегда являются невинными заложниками любого жестокого насилия. Это касается и неприемлемых интервенций и акций давления против Белоруссии, Венесуэлы, а также России, Китая, Ирана, не говоря уже об Ираке, Афганистане и некоторых других жертвах юго-восточной части европейского континента.

“Интервенция”, или же вмешательство во внутренние дела данного государства, осуществляется различными, по большей части незаконными способами, например в форме поддержки оппозиционных групп, политического подполья, создания и финансирования оппозиций и диссидентов, идеологизации проведения и оценки выборов, создания НПО или филиалов иностранных неолиберальных организаций, пропаганды в подчиненных СМИ, а часто и прямых инструкций для антиправительственных ячеек.

Естественно, что о подобных мерах упомянутые международные организации, например, ЕС, ООН, ОБСЕ официально не должны знать.

Так действует транснациональная капиталистическая структура, используя собственные службы, которые в рамках “расширения демократических институтов” раскинули свои щупальца по всему миру.

Проблема “гуманитарной интервенции” в связи с усилением глобализации становится все более актуальным фактором международных отношений, потому что большинство военных кампаний после 1989 г. оправдывались именно заботой о демократии и правах человека.

Словацкий автор в своей работе² отметил в этой связи: “Гуманитарная интервенция может считаться классическим примером ситуации, когда международное право запрещает некоторое действие, но оно не получает морального осуждения (хотя бы у некоторой части человечества), а, наоборот, нравственно легализует подобную

активность и даже к ней призывает, исходя из убеждения, что права человека и идеалы либеральной демократии имеют преимущества перед всеми остальными соображениями, включая правовой императив мирного сосуществования различных государств и неприменения насилия в международных отношениях...

По своей сути гуманитарная интервенция является идеологической войной, войной против Зла, а нарушение прав человека в нынешней западной цивилизации как раз и является тем Злом, против которого может объединиться человечество”.

Западные неолиберальные демократии убеждены в том, что вторжение в другое государство допустимо для “утверждения демократии”, несмотря на то, что нынешнее международное право официально этого не допускает! Речь идет не только о транснациональных корпорациях американского происхождения, но и о прочих неолиберальных государствах, которые лишь прикрывают свое грубое вмешательство во внутренние дела “стран с неугодными режимами”, присвоив себе право оценивать другие режимы по одним им ведомым критериям, отвечающим лишь их собственным властным интересам.

В полемике о “гуманитарной интервенции” большинство авторов имеет в виду в основном “военную агрессию одного государства или международного сообщества против другого государства с целью “защитить” жизнь и права его собственных граждан или установить в данной стране демократический режим; гуманитарной интервенцией мы можем тогда называть и применение насилия с целью возрождения демократии”, – пишет Малкольм Шоу³.

Сточки зрения современной ситуации в международном праве и современного значения слова “интервенция” мы можем называть так проявление

ния материального или духовного насилия против другого суверенного государства и его населения, пока речь не идет о заведомо преступном режиме или правительстве, которое пришло к власти с помощью кровавого переворота или недопустимой агрессии. В текущей ситуации, учитывая ширящийся протест мирового демократического сообщества, когда на международной арене не так просто оправдать прямое военное вмешательство, для достижения целей агрессии или же насильственного импортирования собственной модели общественного устройства, сторонники “гуманитарной интервенции” используют собственную сеть финансируемых ими структур, особенно неправительственных организаций или фондов, но к сожалению, и законных правительственных институтов государств-сателлитов. Поэтому при анализе феномена “гуманитарной интервенции” мы будем понимать под этим понятием “идеологическую неолиберальную агрессию”, которая даже при отсутствии прямых военных операций похожа на политическо-психологическую войну со множеством атак, угроз изоляции, дискриминации на международной арене, не говоря уже о прямом финансировании и поддержке самозванных диссидентов или лидеров оппозиции.

Сторонники мысли о том, что с помощью интервенций необходимо защищать права человека (без ясного представления о том, какие права имеются в виду) везде где только можно, убеждены, что несмотря на противоправность подобных мер, моральный императив помогать несчастным имеет приоритет перед формальными нормами международного права. При этом и из самой дискуссии по поводу “гуманитарной интервенции” становится ясно, что всегда речь идет только о защите собственных интересов транснационального капитала.

Однако противоречия возникают не только между правом и моралью, но и между отдельными концепциями морали.

“Требования гуманитарной интервенции нарушает сущность этого (сегодняшнего – *Авт.*) порядка – национального или международного – тем, что индивида и частную мораль ставят выше всего”⁴. Это происходит, естественно, в ущерб большинству других индивидов данного общества с их частной моралью!

Приведенная цитата обнажает всю глубину лжи неолиберальной морали, которая защищает, прежде всего, индивидов от большинства и признает за ними такие права, которые, в сущности, отрицают права большей части общества.

Парадоксально, когда, с одной стороны, демократия почитает свой основной принцип “права большинства”, когда меньшинство обязано уважать решение большинства (что является и принципом действия парламентов), а с другой – неолибералы организуют “гуманитарные интервенции” против целого режима, его руководства или одного конкретного лидера в другом государстве, признавая исключительное право только за индивидами, диссидентами, ограниченными, и часто самозванными, группами активистов, оппозиции, действующих против явного большинства, которое поддерживают свое законное правительство.

Это просто попрание самой сути норм государственного и международного права, которыми руководствуются цивилизованные общества.

Во имя какого неолиберального общества действуют государства-интервенты, группы и организации, когда пытаются завести собственные порядки в чужих обществах против воли тамошнего большинства?

И кто дает право иностранным организациям и самозванным деятелям различных международных и местных неправительственных организаций самим определять, какой режим лучше всего подходит данному обществу или каких руководителей оно должно себе выбирать?

Удивительно, как легко цивилизованные государства с классической демократией переродились в безжалостные неолиберальные инструменты капитала и сегодня вместе позорят режимы и их лидеров только за то, что те не поддаются их нажиму и не уступают широким амбициям.

Кажбое человеческое сообщество формирует свою жизненную философию и систему ценностей, благодаря которым оно развивается, сохраняет себя и побеждает внешние источники давления. Эта система общественной морали. Поэтому и дискуссия по поводу гуманитарных интервенций в значительной мере является проявлением противоречий между правом и моралью. Однако сущность ее от того не меняется, поскольку речь идет об оценке того, допустимо ли само по себе “оправдание” интервенции – с правовых ли позиций или с моральных.

Пример вьетнамской интервенции в Камбоджу (не против Камбоджи) (1978–1979 гг.), когда, в сущности, произошло освобождение камбоджийцев от извращенного режима красных кхмеров, то есть в результате правомерной гуманитарной интервенции, западные державы и США протестовали против подобного вмешательства и парадоксальным образом признали правительство красных кхмеров в качестве легитимного.

Перед этим они инсценировали переворот правых сил Пол Пота против левой власти Сианука, а фактически поддерживали самый кровавый азиатский режим.

Каким же правом или моралью руководствовались тогда европейские и

американские либералы? Ответ прост: “они руководствовались текущими политическими интересами в условиях холодной войны!”².

В период биполярного мира мысль о применении гуманитарной интервенции была просто нереальной. Ни СССР, ни США не допускали международного вмешательства против государств своей сферы влияния. И тогда сверхдержавы не давили на своих союзников в вопросах прав человека. Если они и вмешивались в дела других государств в своей сфере влияния, то причиной были не права человека, а скорее, опасения утраты своего влияния.

Примерами могут служить Чехословакия, Гренада, Венгрия, Гватемала и пр.

А как относится ООН к “гуманитарным интервенциям”?

Резолюция Генеральной Ассамблеи 2001 г. № 56/148 под названием “*Права человека и одностороннее принуждение*” жестко отрицает любое одностороннее использование насилия в международных отношениях вне существующего международного права и прямо называет его “препятствием для реализации прав человека”. Поскольку, согласно этой резолюции, одностороннее использование силы противоречит принципам прав человека, было бы абсурдно с помощью “гуманитарной интервенции” (односторонней) достичь их соблюдения!

Текст резолюции, однако, оставляет некий зазор для коллективной международной интервенции. Именно этот зазор используют неолиберальные ястребы как в США, так и в Европе, чтобы включить своих союзников и сателлитов в “коалицию” для формальной “легализации” своей войны и применения насилия против “неугодных режимов”. При этом в эту игру дает себя втянуть и само

международное сообщество, в котором по-прежнему еще силен авторитет “сильнейшей державы”.

До 2000 г. специалисты в области международного права сходились во мнении, что “гуманитарная интервенция явно противоречит действующему международному праву”. После 2000 г. дискуссии затихли. Произошло это в результате “косовского конфликта”, когда планы создания мультиэтнического сообщества провалились, и дебаты перешли на тему “терроризма” и предотвращения распространения ядерного оружия.

Нападение на Ирак в 2003 г. было обоснованным ответом на поддержку террористического движения и стремлением не допустить распространения оружия массового уничтожения. Когда же выяснилась вся несостоятельность этих доводов, американская пропаганда начала делать упор на гуманитарную миссию, утверждение демократии и улучшение жизни граждан!

Именно в те переломные годы мы отмечаем явный поворот в пользу “интервенций” у некоторых лиц, которые до той поры молчали.

Например, итальянский министр иностранных дел Джанни де Микелис на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2001 года сказал: “Интервенция, главной целью которой является обеспечение защиты прав человека и уважение основных принципов мирного сосуществования, является прерогативой международного сообщества, которое должно иметь силу ограничить суверенитет государства везде, где он используется в преступных целях”.

Аналогично в 1992 г. выступил и тогдашний генсек ООН Бутрос-Гали, когда в своей речи категорически заявил, что “время абсолютного исключительного суверенитета прошло; эта теория уже не отвечает реальности”⁵.

В 1999 г. в дискуссию включился и новый генсек ООН Кофи Аннан: “От Сьерра-Леоне

до Судана, от Анголы до Балкан, от Камбоджи до Афганистана находится множество людей, которым нужно нечто большее, чем слова поддержки от международного сообщества. Мир не может стоять спиной, когда массово и систематически нарушаются права человека; мы поняли, что интервенция должна быть основана на легитимных и универсальных принципах, если она должна быть использована в качестве стабильной поддержки народов мира.

Развитие международных норм в пользу интервенции с целью защиты гражданского населения от угрозы физического уничтожения, без сомнения, будет являться и в дальнейшем главным вызовом международному сообществу”⁶.

Кофи Аннан, естественно, имел в виду интервенцию под контролем ООН. “Высказывания подобного рода со стороны процитированных деятелей открыли ящик Пандоры гуманитарной интервенции – той самой, которая в 1999 г. привела в ярость большую часть мировой общественности”².

Одновременно с этими высказываниями распространилась точка зрения, что в случае гуманитарной интервенции речь идет о жестком вмешательстве в суверенитет государства, о вмешательстве в отношения между этим государством и его гражданами. Государство, которое не хочет потерять остатки авторитета, не может подчиниться чужой власти без того, чтобы не использовать против нее все возможные средства, и поэтому подобное вмешательство оно не может понимать иначе, чем толчок к тотальной войне со всеми.

Если в нашем понимании уже сама угроза применения насилия со всеми сопутствующими элементами вроде медийного террора и международной дискриминации является формой грубого вмешательства во внутренние дела данного государства, его руководство вправе принять все необходимые меры для защиты своего суверенитета и чести, включая дипломатические шаги и шаги в области внутренней безопасности.

Международное право сегодня включает защиту прав человека в своих основных принципах, от которых как бы нельзя отступать. Помимо защиты прав человека к ним относятся запрет применения силы или угрозы силы, право на самооборону, соблюдение принципов гуманности во время военных конфликтов, соблюдение принципов добросовестного исполнения обязательств согласно нормам международного права и, наконец, свобода морей.

Некоторые критики использования “гуманитарной интервенции” утверж-

дают, что конфликт между суверенитетом и правами человека – только кажущийся, поскольку суверенитет государства проистекает из его признания собственным населением, так что любое нарушение суверенитета государства извне является одновременно и нарушением прав его граждан.

“Мы не можем принудить правительство и народы к уважению прав человека тем, что будем подвергать угрозе верховное право на суверенитет”, – говорят правоведы-демократы по поводу нарушения суверенитета других государств.

Если мы будем использовать “гуманитарную интервенцию” (включая прямую войну) как ответ на нарушение прав человека, мы быстро можем оказаться в ситуации, когда на зло (к которому без сомнения относится нарушение прав человека) мы будем отвечать еще большим злом, уводя процесс в дурную бесконечность. Если, например, вмешательство государств-членов НАТО в связи с нарушением прав человека в Косово ставило своей целью помешать гуманитарной катастрофе, то в результате этого вмешательства гуманитарная катастрофа расширилась до соседних областей и заложила скрытые причины для долгосрочного напряжения и конфликтов.

“Оценка обоснований для такой интервенции не должна оставаться в руках субъективного решения одной или группы держав”, – вежливо намекнул Кофи Аннан в своей речи в Дичли (Великобритания) в 1998 г., когда он задавал вопрос: “Можем ли мы позволить любому государству присвоить себе право или обязанность вмешиваться во внутренние конфликты другого государства?” Кофи Аннан высказался за коллективное решение в рамках ООН, которая является организацией независимых государств и которой они доверили такие полномочия.

Но цивилизационные устои, традиции и внутренние способы организации государств слишком отличаются, не-европейские и не-американские государства имеют свое мнение, отличное от представлений евро-американской цивилизации, которое они без колебаний открыто высказывают. Еще недавно тотально зависимые от американско-европейского капитала, сегодня эти государства формируют совершенно явно антизападный культурный фронт. В связи с этим нельзя не заметить, что гуманитарные интервенции ориентированы на менее развитые и более слабые страны (постколониального и постсоциалистического мира). Совершенно ясно, что реальные факторы не позволяют применять подобное насилие против, скажем, России или Китая.

Сам факт интервенции – неважно, “в кровавой форме” или в форме “гуманитарной интервенции” – обычно вызывает ненависть, а не желание перенять общественную модель агрессора. Демократия, которая навязывается с помощью насилия, отрицает сама себя. Исторический опыт убеждает в том, что демократия распространяется более эффективно, если она действует как притягательный пример успешного общества.

Задачей международных организаций, включая ООН, должно стать постепенное сближение и позитивное взаимное обогащение всех существующих цивилизаций и культур, где само естественное развитие способствует созданию симбиоза, называемого “естественная диалектическая демократия”.

Примечания

- ¹ *Крейчи О.* Геополитика в Центральной Европе // Экопресс. 2000. С. 280.
- ² *Шмигула Д.* Использование силовых мер в международных отношениях. Братислава, 2007. С. 172, 152, 171, 178, 185 (со ссылкой на работу Н.Дж.Виллера «Спасая незнакомцев». Нью-Йорк, Оксфорд: Университи Пресс, 2000).
- ³ *Шоу М.Н.* Международное право. Кембридж, Университи Пресс, 1997.
- ⁴ *Цагуриас Н.* Гуманитарная интервенция после Косово и правовой дискурс: самообман или самосознание? // Ляйден. Журнал международного права. 2000. № 1. С. 15.
- ⁵ Лион, Жене, Мاستандуно. Международная интервенция, государственный суверенитет и будущее международного сообщества // Международный журнал социальных наук. 1993. 24 ноября.
- ⁶ *Кофи Аннан.* 1999.

**Подписка на 2009 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**